

люди искусства

«Сов. искусств» № 11 сент. 1975

КАРМЕН ОПРЕДЕЛИЛА СУДЬБУ

М. ИГНАТЬЕВА

НА ЕЕ ПЕРВЫЙ концерт собирались скопом, как на стадион — едва ли не всем подъездом шестизэтажного старомосковского дома, где каждая комната — семья. Весть распространилась очень быстро: в коммунальных квартирах всегда по-соседски делится радостным и горьким; что-то достойное внимания, как по радио, становится общим достоянием:

— Слышали? Наша Ирочка-то сегодня в консерватории поет!

Волновались, спешили, на концерте «болели» дружно и искренне. Выступление прошло отлично. Но даже самые оптимистически настроенные «болеельщики» вряд ли видели ее в нынешней роли — певицы с мировым именем, ступенька за ступенькой блистательно прошедшей путь от «нашей Ирочки» до народной артистки Советского Союза Ирины Константиновны Архиповой, которая завоевала многотысячные аудитории многих стран света.

Тогда это действительно трудно было предвидеть. Многим вообще казалось странным: как вдруг Ира запела. Ведь все на глазах. Только-только длинноногая девчонка бегала с папкой «Музыка» в школу на занятия по роялю, и во дворе-колоде слышно было, как разыгрывает она на своем пятом этаже гаммы, этюды, пьесы. Потом папку сменили футляр для чертежей и планшеты с наколотыми проектами. Знали — Ира готовится к карьере зодчего, сдала госэкзамен, работает в архитектурной мастерской. И вдруг — певица. Откуда? Правда, с пятого этажа уже слышались не фортепианные упражнения и пьесы, а вокальные, потом зазвучали романсы. Значит, учится пению. Однако от занятий по вокалу, от выдержанного на «отлично» выпускного экзамена по специальности до всемирной популярности — дистанция необозримая.

Кто бывал у Ирины Константиновны дома, знает многочисленные «собрания», где сложены газетные и журнальные статьи, посвященные ей, аннотации к концертам, программки, афиши, письма и телеграммы разные, от разных лиц — толстые папки, набитые бумагами; альбомы грампластинок с ее записями, подарки, сувениры. Одним словом, все свидетельства широкой популярности артистки.

А ведь по сей день первая профессия И. Архиповой не дает журналистам покоя — каждая статья, каждое интервью, как в «сказке про белого бычка», начинается сначала: специальность — архитектура, пение — «хобби», потом самодеятельность, по-

том консерватория, аспирантура, безрезультатные пробы в Большом и Кировском. И, наконец, начало начал оперной карьеры — Свердловский театр, где первым поверил в ее силы, в ее Кармен старый суфлер. «Пойте — это ваше будущее», — сказал он.

Обо всем этом написано много, и история с суфлером неоднократно фигурировала. Однако хочется ее еще раз повторить. Может быть, не поддери он тогда еще совсем неуверенную в себе певицу, откажись она от роли Кармен (как говорили ей скептики: все равно не получится), и на многие годы отложилось бы рождение большого мастера оперной сцены, большого музыканта.

Связь двух профессий, так сказать, брошенной и настоящей, она прослеживается легко. Потому что нити эти очень крепки: масса точек соприкосновения в искусстве зодчего и музыканта. Хотя бы законы построения формы в многоголосных музыкальных произведениях, в частности Баха, где каждый голос пригнан к другому, словно кирпичик к кирпичику в многоэтажном здании. Бах, композиторы-полифонисты и по сей день очень дороги артистке. А математическая точность расчета деталей и ясное видение законченной художественной «конструкции». Это необходимо архитектору, но это — одно из ценнейших качеств музыканта, той же Архиповой, которая всегда подкупает чувством пропорций, ощущением масштабов.

Конечно же, склад мышления зодчего, умение зафиксировать на листе рожденные фантазией конструкции помогают «спроецировать» и музыкальную форму, соразмерить детали и целое, добиться замысел автора, логику музыкальной драматургии. Не говоря уж о том, что, просматривая клавиш, я на бумаге фиксирую интерьеры той или иной сцены (естественно, только для себя), делаю наброски портретов героев, как они мне видятся, костюмов своих героинь. Все эти **навыки** помогают и в камерном репертуаре. Мне кажется, таким образом легче добиться цельности, жизненной правды характеров, внешнего облика женщин разных судеб, представительниц разных эпох и поколений, которых я «рисую» на сцене и в концерте.

А то, что рассказывала Ирина Константиновна в одной из бесед о своем отношении к музыкальному тексту? Ее железное правило — никогда, нигде, ничего случайного в прочтении нот, слов: все должно быть осознанно и художественно обоснованно — это ведь тоже закон, почерпнутый в практике архитектора.

— Я обязательно должна

докопаться до смысла текста, нюанса в мелодии, паузы, композиторской «ремарки» — почему здесь изменение темпа, здесь — динамики, — говорит певица.

И, между прочим, скрупулезное изучение, глубокое осмысление произведения приносит артистке свободу трактовки. Не то чтобы вольности, отсебятины вносит она. Нет, просто в ее спектаклях, камерных программах всегда присутствует элемент премьеры, первопроче-ния, собственное «я». Причем даже в свою интерпретацию ей удается при повторных исполнениях вносить детали, которые уточняют, корректируют, дополняют музыкальный образ.

По глубокому убеждению И. Архиповой, «для того, чтобы раскрыть музыкальное произведение по-новому, сделать его «свежим», надо всегда стараться приблизить его к тому, что указывал композитор».

Самой ей это с блеском удается. Достаточно вспомнить ее в спектакле со знаменитым Марио дель Монако, который заявил, что лучшей Кармен он не знает. А когда вскоре после гастролей в Москве дель Монако пригласил свою партнершу в Италию (в Неаполь, а затем в Рим), пресса единодушно подтвердила его оценку, признав выступление Архиповой в этой партии в полном смысле слова сенсационным. Критики отмечали, что она «одна из немногих певиц, которым удается при всей продуманности, сдержанности, элегантном сценическом поведении и при богатейшей тембровой гамме в голосе придать образу Кармен чув-ство необыкновенного тепла, привлекательности и правдивости».

Так открылась дорога этой советской артистке в лучшие театральные и концертные залы планеты. Кармен, цыганка Азучена («Трубадур»), дочь фараона Амисрис («Аида»), принцесса Эболи («Дон Карлос») — эти партии, впрочем, и многие другие ей не раз приходилось петь за рубежом в спектаклях разных театральных трупп.

А ведь, наверное, нужна очень большая «хватка», чтобы вот так сразу войти в ансамбль, приноровиться к партнерам. Разве не часто мы видим на нашей сцене совершенно самостоятельно существующего героя-гастролера и остальных участников постановки?

— Советским артистам за рубежом особенно трудно:

там бывают спектакли, где занят оркестр из одной страны, хор — из другой, солисты — разные из разных, и объединяет всех единственное музыка. Да еще отводится всего каких-нибудь два дня на подготовку. Представляете, какой это экзамен? Испытываются и вокальные возможности, и музыкальность, и память, и находчивость. Правда, я вообще в каждом спектакле немного импровизирую, добиваясь ансамбля с партнером, приспособиваясь к его характеру, темпераменту, тембру голоса. Иногда делать это приходится на ходу. Ну, а за рубежом тем более: там нередко получается так, что проходишь спевку с дирижером, репетиции с оркестром, партнерами-солистами и хором на сцене, в тот же день с режиссером — где стоять, куда войти, как выйти. Все. И появившись на публике. Хорошо, если участвуешь в постановке оперы Верди. Здесь, по-моему, все в партитуре указано. Это композитор, у которого драматургически все сделано, и не надо придумывать мизансцены, не надо добиваться подвижности, яркости, занимательности действия. Нужно просто помочь зрителю услышать и воспринять чудесную музыку, раскрывающую судьбы героев, их мысли, поступки.

По существу, сама артистка точно сформулировала главное в своем творческом облике — стремление рассказать о своих героинях **музыкальной** и прежде всего именно в музыке находить краски для внешнего рисунка роли, вокальными средствами раскрывать остроту драматических конфликтов. Ничего лишнего, надуманного, нарочито театрального.

Я хорошо помню, как обвиняли некоторые критики Ирину Константиновну в излишней холодности, сухости. (Это было до того, как она показала свою Кармен). А мне всегда казалось, да я твердо уверена, что ей чуждо пение и игра «на зрителя», она не любит мелодрамы «на потребу» дешевого вкуса. Потому более чем в трех десятках оперных партий, внесенных в «послужной» список певицы, значительное место занимают русская классика и работа над советским репертуаром — образы наших современниц. Последнее хочется особо подчеркнуть. Горьковская Мать в опере Хренникова и колхозница Варвара («Не только любовь» Щедрина), Комис-

сар из «Оптимистической трагедии» Холминова, медсестра Клава («Повесть о настоящем человеке» Прокофьева), жена поэта Мусы Джалиля в опере Жиганова — какие разные судьбы, разные характеры! И надо показать эти судьбы так, чтобы зритель поверил и сопереживал. Надо нарисовать характер правдивый, достоверный, узнаваемый. Иначе на сцене будет действовать традиционный оперный персонаж, только по внешнему облику соотносящийся с нашими временами.

Что помогает певице раскусить этот трудный орешек — оперный образ современного да еще положительного героя? Острота художественной наблюдательности, музыкальная культура, интеллект и, главное, работа, работа и работа — горячая, увлеченная, без усталости. А иначе просто нельзя — не успеть.

Помимо театра, огромное место занимает в жизни И. Архиповой камерное пение. Наверное, число концертных произведений в ее репертуаре приближается к шестистам. Если перевести это количество в минуты, часы, дни, которые нужны, чтобы создать художественный образ, получается просто фантастическая цифра.

Известно, что даже самые великие певцы признавали камерный репертуар тяжчайшим испытанием для артиста. Как говорил Шаляпин, на сцене все помогает — декорации, драматическое действие, костюмы, свет, общение с партнерами. «А на концертах я бываю одинок и наг... Я перевоплощаюсь во все персонажи, заставляя зрителей испытывать чувства любви и ненависти, человечности и скорби».

— Для меня романс — частица жизни, — говорит артистка. Действительно, в каждой миниатюре за две-три минуты она воссоздает яркий портрет героя, жанровую зарисовку, средствами вокала выстраивает цельную, законченную композицию. Приведу лишь один отзыв американского критика, который сказал после исполнения Архиповой цикла «Песен и плясок» Мусоргского, что она «двойник Шаляпина». Вряд ли нужно к этому что-то добавлять!

Не раз невольно возникала мысль: отдыхает ли хоть когда-нибудь Ирина Константиновна, умеет ли она вообще отдыхать?

Театр, концерты, гастроль, записи... К тому же она не относится к тем художникам, которые все отдают творчеству, и только творчеству, чуждаясь «отвлекающих» от искусства общественных обязанностей, нагрузок, находясь вдалеке от жизни коллектива. Напротив, столь же активно и с такой же самоотдачей коммунистка Архипова участвует в разного рода советах, комиссиях, совещаниях, заседаниях, в жюри, смотрах. Артистка с радостью делится своим опытом с молодыми талантливыми коллегами, в которых она видит будущее оперного искусства.

А еще есть у нее «хобби» — душа архитектора подсказывает, как спроектировать шкаф, «модернизировать» кресло, чтобы выдерживать стиль интерьера. Однажды после поездки в Италию, рассказывая о своих впечатлениях, она вдруг вспомнила:

— Смотрите, что я привезла. — Подумалось: наверное, венецианское стекло, майолика... Нет, она принесла горсть резных ключей и замков, которые заменят в шкафах обыкновенные ручки...

Телефон ее постоянно разрывают звонки — помимо деловых, просто с просьбами: тому надо помочь творчески, того проконсультировать, заболела знакомая знакомых и надо достать лекарство. И на все Ирина Константиновна откликается с душой.

Телефонным разговором должна была закончиться и эта статья. Год прошедший — год наступающий. Какие планы? Увы, предновогодние заботы, а может быть, день рождения, который отмечает Ирина Архипова завтра, помешали получить у нее этот ответ. Но можно с уверенностью сказать, что прошедший год и наступающий, как и всегда, был и будет плодотворным.

Да, старый суфлер, как и полагается ему по должности, очень точно подсказал артистке ее судьбу...